

*Книга посвящена миллионам медиков
всего мира, которые, рискуя
собственным здоровьем и безопасностью,
спасали наших близких и любимых в 2020-м
и последующих годах, —
этим истинным, всем до единого, героям.*

Настоящие герои бывают очень разные — и мало кто из них может похвастаться сияющими значками, припиленными на груди.

*Солин Руссель.
Хранители счастливого финала*

Мы — избранные. Служанки Великой Матери, происходящие из древнего рода, призванные способствовать делу любви и подлинному человеческому счастью.

Мы — les tisseuses de sorts, те, кто ткёт материю волшебства.

*Эсме Руссель.
Колдунья над платьями*

От автора

Несмотря на то что в моем романе упоминаются отдельные исторические события, он всецело является плодом художественного вымысла. Все имена, персонажи, связанные с ними события, даты и выпавшие на их долю испытания мною придуманы или скрываются за вымышленными именами и реалиями.

Диалог

Солин

Вера — весьма существенный ингредиент.
Если потерял веру в магию — то потерял все.

*Эсме Руссель.
Колдунья над платьями*

13 сентября 1976 года.

Бостон

Сколько себя помню, любой финал всегда пробуждал во мне щемящую печаль. Последние звуки песни, неотвратимо угасающие в тишине. Падающий занавес в завершении пьесы. Последняя снежинка. Последние слова перед прощанием.

Мне много выпало прощаний.

Сейчас все они вроде бы остались в далеком прошлом, однако совокупная их боль по-прежнему берedit душу. Наверное, я просто перебрала сегодня вина — от этого у меня такая меланхолия. Или же перебрала с жизнью, с ее потерями — уж слишком много осталось от нее шрамов. И, что примечательно, — меня как будто притягивают эти шрамы, эта своеобразная карта моих ран, что не ведет меня ни вперед, ни назад.

Я вновь приношу из чулана свою заветную коробку и ставлю на кровать. В смысле физическом она не слишком много весит, однако собранные в ней воспоминания несут груз совсем иного рода. Тот, что ложится на сердце тяжестью. Сделана она из плотно-

го, добротного, серого картона с металлическими крепежами по углам и толстым шнуром, продетым в нее в качестве ручки. Задержав дыхание, я снимаю крышку и откидываю лежащую сверху в несколько слоев мятую папиросную бумагу, чтобы увидеть хранящееся под ней платье. Оно изрядно состарилось с годами — равно как и я. Там же, перевязанная ленточкой, покоится и пачка писем — в большинстве на французском, но некоторые и на английском. Их я прочту немного позже, что частенько делаю в такие ночи, как эта, когда меня угрюмыми тенями окружают зияющие в моей жизни пустоты. В этом ритуале есть свой порядок, последовательность, которую я никогда не меняю. Когда в твоей жизни столько всего вырвано с корнем, когда ты столько всего лишился — следует искать утешения хотя бы в ритуалах. Пусть даже и в печальных.

Я вынимаю из коробки платье и держу его в руках. Бережно, как держат дитя — или же как лелеют надежду. Как можно ближе прижимая к сердцу и, быть может, слишком ревностно. Подхожу с ним к зеркалу — и на какой-то миг из него взглядывает на меня *она*, та девушка, которой я была до того, как гитлеровские солдаты вошли в Париж. Исполненная надежды и наивных светлых грез. Однако уже через мгновение она исчезает. И вместо нее оказывается печальная женщина, которой я стала. Измученная жизнью и одинокая. Без единой мечты. Мой взгляд непроизвольно возвращается к коробке, к коричневому кожаному футляру, лежащему на самом ее дне. И от воспоминания, как я увидела эту вещь впервые, сжимается сердце. «Храни его у себя, пока я не вернусь домой», — сказал *он*, вкладывая мне в руки футляр в то последнее утро.

Отложив платье, я, наверное, уже в сотый раз растегиваю несессер и провожу пальцами по черепахово-

му гребню и такому же рожку для обуви, касаюсь помазка для бритвы и бритвенного станка. Все эти вещи настолько личные — и он собственноручно передал их мне. Из-под коричневой эластичной ленты вынимаю небольшой хрустальный флакончик — давно уже опустевший, — и отвинчиваю крышку, с тоской надеясь уловить оттуда изысканный мужской аромат, что так ярко отложился у меня в памяти. Запах соленой морской воды и лимонной цедры.

Энсон.

Вот только на сей раз — впервые за все время — от флакона не веет ни малейшим напоминанием о нем. Тридцать лет я подносила к носу пустой флакон, находя утешение в том единственном, что у меня оставалось — в *его* запахе. А теперь исчезло даже это.

Я готова расплакаться, но слез нет. По-видимому, я уже все выплакала. И теперь полностью опустошена. Возможно, это даже к лучшему. Возвращаю флакон на место и застегиваю футляр. Перевожу взгляд к оставшейся в коробке пачке писем, обычно завершающей мой маленький печальный ритуал. Сегодня я не стану их читать. Или, возможно, уже не прочту никогда.

Пора оставить это в прошлом. Пришла пора все отпустить навеки.

Я возвращаю футляр в коробку, затем складываю платье и бережно опускаю следом, расправляя рукава поверх лифа так, как укладывают руки покойного на похоронах. Полагаю, именно это сравнение сейчас как нельзя кстати. В последний раз с нежностью провожу ладонью по тонкой ткани, потом укрываю платье папиросной бумагой и опускаю крышку.

Adieu, Anson, mon amour. C'est la fin¹.

---

¹ Прощай, Энсон, любовь моя. Это конец (*фр.*). (Здесь и далее примеч. пер.)

Глава 1

Рори

26 мая 1985 года.

Бостон

Не может быть, чтобы уже настало воскресенье! Только не это!

Рори хлопнула ладонью по кнопке будильника и снова откинулась на подушку, словно желая, чтоб этот день исчез. Однако через пять минут будильник затрезвонил снова, и это могло означать только одно: каким-то образом в ее жизни пропала еще одна неделя, рассеялась в мутном потоке будней — с едой навынос и старыми сентиментальными фильмами, с долгими, бесконечными ночами и одержимым чтением о счастливых финалах у других людей.

Когда она откинула одеяло и спустила ноги с кровати, на пол бухнулась книга в мягкой обложке. «Зимняя роза» Кэтлин Вудивисс, которую она одолела к четырем часам утра. Рори уставилась на раскрытую книгу, подбитой птицей валяющейся у ее ног. Прежде она никогда не питала страсти к любовным романам, теперь же едва ли не проглатывала их один за другим. Для Рори это была словно порочная утеха, заставлявшая ее испытывать легкий стыд — точно пристрастие к азартным играм или порнографии.

Подхватив с пола прочитанный роман, Рори отправила его в плетеную корзину, где лежало уже не меньше десятка таких же книг, ожидающих отправки в бла-

готворительный фонд «*Goodwill*». У входной двери стояла еще коробка с книгами, третья лежала в багажнике автомобиля. «Пустые калории для мозга» — как называла это чтиво ее мать. Между тем глаза девушки скользнули к стопке новых корешков с заголовками, возвышающейся на ее ночном столике. Следующей ночью ее ожидала последняя книга Джоанны Линдсей.

Рори порылась пальцами в ворохе нераспечатанной почты, также лежащей на тумбочке возле кровати, среди которой затерялся и буклет с перечнем курсов магистерской программы, который она предпочитала не замечать, и наконец выкопала «Ролекс» из нержавеющей стали с золотом, что подарила ей мать на окончание бакалавриата. Как и следовало ожидать, часы остановились. Дата в маленьком окошечке под увеличительным стеклом уже отстала на три дня. Рори переустановила время, завела часы и надела их на запястье, после чего мысленно нацелилась на чашку крепкого кофе. Без кофеина она однозначно не сможет встретить этот день.

Оказавшись на кухне, Рори обвела ее взглядом со все нарастающим чувством безысходности. Забитая грязной посудой раковина, переполненное мусорное ведро, остатки вчерашнего заказа из «Восточного Рая». Рори рассчитывала как следует прибраться на кухне после ужина, однако потом начали показывать «Плоды случайности»¹, и она была не в силах оторваться от экрана, пока Грир Гарсон и Рональд Колман наконец не воссоединились. К тому времени, когда Рори наконец наплакалась, она уже напрочь забыла про кухню. А теперь на уборку и вовсе не хватало вре-

---

¹ «Плоды случайности» («*Random Harvest*») — американский драматический фильм Мервина Лероя, снятый в 1942 году по одноименному роману Джеймса Хилтона.

мени, если она рассчитывала к одиннадцати часам оказаться в другом конце города.

Добавив в кофе сливок, она подумала было позвонить матери и отказаться от визита — сослаться на больное горло или мигрень, или на то, что якобы мутит, как от пищевого отравления. Однако за этот месяц она уже дважды избегала их традиционной встречи, что означало, что на сей раз она просто обязана туда поехать.

Стоя под душем, Рори мысленно готовилась к предстоящему «допросу с пристрастием»: к вопросам о ее дальнейшей учебе, о хобби, о планах на будущее. Вопросы эти от встречи к встрече никогда не менялись, и Рори с каждым разом все труднее было делать вид, будто они вызывают в ней какой-то отклик. Правда крылась в том, что у нее не было таких хобби, которые ей бы хотелось с кем-то обсуждать, что ее ужасала сама мысль о возвращении в колледж и что все ее планы на будущее сейчас оказались под большим сомнением. Тем не менее она всякий раз изображала бодрый вид и говорила нужные слова, поскольку именно их от нее и ожидали. И потому, что альтернатива этому — а именно полное погружение в глухую черную дыру, в которую ныне превратилась ее жизнь, — казалась слишком мучительной, чтобы о ней серьезно размышлять.

Рори прошлепала босыми влажными ногами в спальню, на ходу суша волосы полотенцем, и всеми силами попыталась удержаться перед привычным уже зовом, исходящим от ночного столика. В последнее время уже стало утренним ритуалом прочитать письмо-другое от Хакса, но сегодня на это просто не было времени. И, тем не менее, Рори все же выдвинула нижний ящик и вытянула хранившуюся там коробку с письмами. Сорок три конверта, подписанных его

мелким порывистым почерком. Этакий спасательный трос, прочно привязывающий ее к Хаксу и не позволяющий ей пойти ко дну.

Первое послание оказалось в ее почтовом ящике всего через пять часов после того, как его борт покинул международный аэропорт Логан. Хакс отправил письмо ночной доставкой, чтобы быть уверенным, что оно прибудет вовремя. Второе он написал, уже сидя в аэропорту перед выходом на посадку, следующее — в самолете. Поначалу письма поступали почти что каждый день, затем частота их сошла к одному-двум в неделю. А потом они просто перестали приходить.

Рори взглянула на фотографию у самой кровати, сделанную в ресторане на Мысе в ближайший уик-энд после его предложения руки и сердца. Доктор Мэттью Эдвард Хаксли — или Хакс для всех, кто близко его знал. Как же она скучала по его лицу, по его смеху, по незатейливым шуткам и фальшивому пению, по его любви ко всяким мелким безделушкам и по его идеально приготовленной яичнице.

Познакомились они на благотворительном мероприятии по случаю открытия нового неонатального отделения интенсивной терапии при университете Тафтса. От его обаятельной улыбки у Рори буквально захватило дух — но именно то, какая необыкновенная личность скрывалась за той улыбкой, собственно, и решило исход дела.

Сын двух педагогов, обучающих детей с ограниченными возможностями, Хакс очень рано и на близком родительском примере постиг всю ценность служения обществу. Когда он учился на первом курсе университета Северной Каролины, на трассе I-40 в машину его родителей лобовым столкновением врезался лесовоз, выехавший на встречную полосу. После похорон, оставшись абсолютно без руля и без ветрил, с одной

лишь безысходной горечью в душе, Хакс бросил учебу и провел лето на пляжах Аутер-Бэнкса, бездельничая в окружении местных серферов и глуша тоску «Капитаном Морганом».

Наконец он все же смог взять себя в руки, вернулся в университет, а затем поступил на медицинский факультет. Сначала он собирался стать терапевтом, однако после недели врачебных обходов в отделении педиатрии эти планы изменились. Закончив последипломную больничную подготовку, Хакс подписал контракт с организацией «Врачи без границ» на оказание помощи детям Южного Судана, чтобы почтить таким образом память своих родителей.

Это качество Рори любила в нем едва ли не больше всего. История его жизни была далека от идеальной. У Мэтью Хаксли не было ни своего трастового фонда, как у нее, ни загородного клуба для избранных. Он пережил страшные вещи — такие, что всколыхнули его до основания и выбили из колеи, — и все же он нашел в себе силы снова обрести твердую почву под ногами, нашел свой способ помогать людям. Когда настало время отъезда, Рори тяжело было провожать его в путь, однако она гордилась Хаксом и той миссией, которую он на себя принял, пусть даже его письма было тяжело читать.

В одном Хакс признался, что пристрастился к курению. *«Здесь все до единого смолят по-черному. Наверно, чтобы не дрожали руки. Мы все уже невероятно вымотались»*. В другом послании он написал о журналистке по имени Тереза, приехавшей делать репортаж для Би-би-си, о том, как та некоторое время поддерживала его связь с внешним миром. Писал Хакс и о своей работе, о бесконечных днях в импровизированной хирургической палате, о местных детях, покалеченных, осиротевших, перепуганных. Все оказа-

лось куда хуже, чем он прежде мог себе представить, но как врач он приобрел профессионализм: стал более решительным и жестким и вместе с тем более сострадательным.

Темп их работы был изнурительным, душевное потрясение явно казалось сильнее, чем он мог адекватно выразить на бумаге.

«Мы настолько избалованы у себя в Штатах! Там мы не в состоянии осознать весь масштаб беззакония и варварства, той страшной, душераздирающей нужды, что существует в иных местах земного шара. Отсутствие элементарной человечности. Когда видишь, что здесь творится, то понимаешь, что все, что мы здесь делаем — и я, и каждый из нас, — всего лишь капля в море».

Это было его последнее письмо.

Прошла неделя, другая, третья — а ее письма к Хаксу так и оставались без ответа.

А потом, когда она однажды слушала Национальное общественное радио, причина его молчания внешне стала ясна. Представительство США заявило, что в Южном Судане во время предрассветного нападения на госпиталь группа вооруженных повстанцев похитила троих: американского врача, медсестру из Новой Зеландии, а также британскую журналистку, работавшую там по заданию компании Би-би-си и журнала «World».

Только через семь дней официально подтвердилось то, что Рори и так уже поняла: что Хакс и был тем самым похищенным американцем. Но это все равно ничего не дало. На грузовике, который видели отъезжающим отдельные свидетели, не было никаких опознавательных знаков. Как не было и описания мужчин, которые силком, под дулом оружия вывели их из медицинской части. И никто не заявил об ответственно-